

Медленное чтение в эпоху быстрой жизни

О цифре и слове в профессии журналиста размышляет в беседе с нашим корреспондентом декан факультета журналистики Уральского федерального университета Борис Лозовский

Ничего в жизни не бывает данным раз и навсегда. Это сегодня он – легенда российской журналистики, уважаемый и любимый студентами декан, почитаемый коллегами профессионал, просто обаятельный и остроумный человек. А каких-нибудь пятьдесят лет назад мы с ним были студентами этого факультета, грузили мешки с картошкой в колхозной борозде Красноуфимского района, куда выезжали каждую осень на помощь «труженикам села», наслаждались веселыми днями и ночами в нашей общаге, влюблялись в хорошеньких девушек и уж точно не были всерьез озабочены освоением тонкостей профессии. Мы были дружны и к счастью сохранили наши отношения на долгие годы. Несмотря на то, что он после окончания факультета стал преподавать и превратился в теоретика журналистики, а я уехал работать на Дальний Восток и стал практикующим газетчиком, кем и остаюсь по сей день.

И вот совсем недавно мне стало известно, что он уходит. Уходит из деканата, не будет участвовать в выборах руководителя факультета.

Я подумал, что это может быть поводом для подведения некоторых предварительных итогов – и для него, как для теоретика, и для меня, как для практика. Я позвонил ему и через два дня приехал на наш любимый факультет. Поздним вечером мы расположились за его столом в деканате и стали разговаривать...

Не уверен, повезло нам или нет, но всего за каких-то пять

десятилетий наша жизнь, в том числе и профессиональная, изменилась кардинально. В то время, когда мы только стали студентами, у нас в стране не было ни персональных компьютеров, ни мобильных телефонов, ни интернета. Все это появилось в течение жизни одного поколения. Ничего подобного не происходило с поколениями современников Пушкина, например, или Бунина. Значит, всего за полвека жизнь колоссально ускорилась, стала очень быстрой. Согласен ли ты с этим? И если согласен, то какие изменения, на твой взгляд, принесло все это в нашу профессию, в жизнь общества?

– Да, что касается резкого ускорения – согласен, это чудо совершилось на наших глазах. Как это изменило профессию? Я думаю, что изменило довольно серьезно. И в части сбора информации, и в части обработки ее. И тем более в части распространения новостей.

Теперь, благодаря интернету, каждый человек легко становится средством массовой информации. Я завожу свой блог, приобретаю определенное количество пользователей и становлюсь СМИ. При этом мне не надо ничего: ни помещений, ни спонсоров, ни начальников, ни редакторов, ни корректоров, ни печатных станков, ни колоссального количества бумаги, – ни-че-го! Никогда такого не было. Сегодня – это реальность, данная нам в ощущениях, как говорил классик. Ну, согласишься, для того, чтобы напечатать маленькую заметку даже в областной газете, не говоря уже о центральной, надо, чтобы либо заметка была сногшибательной, либо ты был человеком с определенной профессиональной репутацией. Иначе путь к публичному высказыванию тебе будет закрыт. Теперь – даже если ты никто и звать тебя никак – ты легко можешь высказаться публично по любому поводу безо всяких предварительных фильтров. И при этом считать себя журналистом. И еще одно принципиально новое обстоятельство: все твои публичные высказывания в интернете никуда не деваются, они архивируются и становятся достижимыми практически для любого человека. Не нужно никаких специальных

разрешений для ознакомления с ними, не нужны пропуска в спецхраны и спецотделы спецбиблиотек. Все доступно.

Прости пожалуйста, но коль всё это так, то зачем учиться журналистике? Купил планшет, заплатил за трафик – и готово дело, ты профессионал, безо всяких экзаменов, зачетов, производственных практик, семинаров и лекций с их конспектами. Надо ли в этих обстоятельствах чему-то учить студентов?

– Хороший вопрос. И ответ такой – надо.

Зачем?

– А затем, что, несмотря на обилие блогеров, журналистика остается профессией, со своими обязательными правилами, законами и эстетикой. Рыночная или потребляемая за деньги журналистика отличается от произведений даже самых талантливых блогеров, как типичное современное селфи от фотографий Картье-Брессона или Роста.

О каких правилах ты говоришь?

– Ну, хотя бы правило пяти «W»: who, what, where, when, why – кто?, что?, где?, когда?, почему? Профессиональная журналистская заметка должна отвечать на эти вопросы. А для этого журналист должен знать, как и где получить эти ответы. А эти знания, в свою очередь, надо где-то взять и усвоить. За ними надо куда-то пойти. Надо найти в себе силы и желание однажды выйти «из поезда», затормозить время, тихо присесть и прочитать то, что достойно медленного чтения

И я пойду за ними на твой факультет журналистики.

– На наш факультет.

Извини, на наш, конечно. И какие же базовые знания может получить будущий журналист на нашем факультете сегодня? Что он получит такого, что будет отличать его от блогера?

– Он должен усвоить кое-какие серьезные навыки. Например – умение самостоятельно найти общественно значимую тему, увидеть ее, разглядеть среди множества фактов и явлений. Он должен уметь найти информационный повод для своей публикации. Он обязан знать, как добраться до источников информации. Он должен уметь договариваться с носителями информации, уметь проверить те факты, которые ему предлагает источник. Профессионал должен уметь привести все, что он собрал в единое целое, придать собранному, добытому им товарный, то есть привлекательный для потребления будущим читателем вид.

Но это еще не все, что должно отличать блогера от профессионала. Профессионал обязан быть технологически грамотным. В США, к примеру, будущих журналистов тестируют не на творческих конкурсах, как у нас, а проверяют у них конкретные навыки работы с конкретными компьютерными программами. Умеешь быть грамотным пользователем – ты наш, не умеешь – иди, гуляй. Но и это не все. Ты, получив диплом, обязан уметь работать в команде, потому что современная журналистика – командное дело, классную заметку, как ты знаешь, делают много людей: кто-то добывает факты и описывает ситуацию, кто-то делает иллюстрации, кто-то думает над подачей – неожиданный заголовок, интересные выносы, кто-то делает вариант той же заметки для сайта и других электронных платформ. Кстати, профессионал, в отличие от блогера, обязан уметь придумывать, фантазировать, принимать быстрые нестандартные решения...

Это теперь называется «быть креативным».

– Вот-вот, именно так. Ну, и последнее, пожалуй. Я настаиваю на том, что сегодня профессиональный российский журналист должен знать на хорошем уровне английский язык. Работа с большими данными, работа с источниками за пределами страны этого требует. Поэтому знание английского – неременное условие.

А знание русского?

– Ну, само собой.

Нет, Боря, не само собой. Мы же все-таки пишем не цифрами, не математическими формулами. Наш единственный инструмент – слово на русском языке. Какими бы мы ни были современными и оцифрованными, сетевыми и программными, мы работаем со словом, с языком, мы в широком смысле – литераторы. Известно, что Бродский, например, обожествлял язык. И с каким же чувством отчаяния я читаю и слушаю достаточно обширное количество наших коллег – косноязычных, не умеющих точно выразить то, что они думают и чувствуют, с удовольствием говорящих на подзаборном сленге, полагая, что все обязаны их бормотание понимать и с благодарностью принимать. Между тем профессионалом, как мне кажется, может считаться только тот, кто может воспроизвести в нас ровно то, что чувствует он сам. А это не просто профессионализм, это мастерство, образованность, чутье... Вот эти качества как воспитать в студентах?

– Ну, ты прав, конечно. А что касается воспитания этих качеств, то мне известен только один путь – это чтение хорошей литературы. Медленное, вдумчивое чтение. Не для экзамена, не для галочки, не для осведомления. Для понимания, для восхищения и потрясения. Такое чтение сейчас большая редкость. Время бежит быстро и с каждым годом все быстрее. Шедевры мелькают, пролетая мимо нас, как в окне скоростного поезда. Но для того, чтобы оставаться не просто профессионалом, но полноценным человеком, надо найти в себе силы и желание однажды выйти «из поезда», затормозить время, тихо присесть и прочесть то, что достойно медленного чтения. Ну, вот ты любишь Бродского. Скажи, ведь для того, чтобы понять его стихи, надо читать медленно и построчно. Так?

Да, пожалуй. Значит, медленное чтение среди быстролетящей жизни? Таков твой рецепт?

– Ну, если это можно назвать рецептом...

Хорошо, с этим более или менее понятно. А вот как ты считаешь, изменила ли цифровая журналистика этические нормы профессии?

– Изменила. Возник принцип, которого раньше не было. Я бы назвал его так – «Бей первым». Ты должен первым крикнуть о чем-то на сайте и в сетях. Тогда не ты будешь ссылаться на кого-то, а на тебя будут ссылаться все. А это прямо влияет на рейтинг, на стоимость рекламы и в конечном итоге на деньги, которые ты получишь. У того, кто кричит первым, зачастую нет времени проверить факты, сослаться на компетентное мнение или представить другую точку зрения. Так возникает явление, которое называется «фейкньюз», попросту вранье. Постепенно к этому привыкают, это становится если не нормой, то слабопорицаемым явлением. А там, где сопротивление слабое, противник наступает активнее. И вот потихоньку возникает ощущение всеобщего бесстыдства и утраты приличий как нормы. Ну, вот, к примеру, недавний публичный диалог двух медиаперсон – Канделаки и Уткина с использованием лексики «телесного низа». Стирается грань между интимным и публичным...

Может быть, эти грани легко стираются, потому что благодарный потребитель этого продукта сам маргинален, необразован и даже неграмотен. Беда в том, что именно на него эти «мастера культуры» и ориентируются сегодня.

– Честно говоря, тут я не знаю, что делать. Я не вижу внутрицеховых механизмов, которые бы это остановили.

Грустно. Ну, раз такое дело, давай поговорим о явлении менее ужасном. Почему профессиональные журналисты не гнушаются быть блогерами? Ты можешь представить себе великого Месси, который предпочел бы играть на пляже, нежели в «Барселоне»?

– Я назову тебе две причины. Первая – блогер более свободен и в том, о чем говорить, и в том, как это делать. Вторая – более существенна. Популярность блогера зависит от частоты его

появления в онлайн. Глубокий профессиональный журналист не может появляться на страницах газеты ежедневно: он должен «созреть» до очередного выступления. Я не могу себе представить Анатолия Аграновского или Ярослава Голованова в качестве блогеров. Они не умели болтать, они привыкли сами и приучили нас к выверенной, вдумчивой, неторопливой и оттого блистательной журналистике.

Знаешь, мне всегда казалось, что блог – это форма публичного дневника. Поэтому Голованова в каком-то смысле можно считать блогером: он написал трехтомный дневник «Записки вашего современника». Но возьми в руки эти дневники, открой их, прочитай не более трех страниц, и ты почувствуешь разницу. Все-таки дело и в таланте, и в уме...

– Ну, конечно, и в этом тоже.

Раз уж мы перешли на личности... Вот у тебя на стене висит портрет Анатолия Аграновского. А кого из современных, живущих журналистов ты мог бы поместить рядом?

– Ну, не знаю, не знаю... (Долго молчит.) Рядом – никого. Но вот, кто мне близок сегодня... Это Юрий Рост, это Дмитрий Муратов, это Алексей Тарасов – между прочим, наш выпускник. Он занимается антикоррупционными расследованиями. Бесстрашный человек. Искренне уважаю.

Чем, на твой взгляд, отличается это новое поколение журналистов от нашего с тобой поколения?

– Ну, во-первых, у них другие родители, они воспитаны в другой системе ценностей. Они учились в других школах и по другим программам. У них другие условия жизни. У них есть персональный компьютер, мобильный телефон и интернет. Однако они менее социализированы.

Что это значит?

– Это значит, что они хуже понимают, в каком обществе они

живут. Помнишь, на наш факультет журналистики принимали преимущественно абитуриентов с производственным стажем?

Ну, конечно помню. На нашем курсе было всего четыре вчерашних школьника. И это было здорово. Мы смогли научиться у старших ребят очень многому.

– Нынче основной контингент наших студентов – вчерашние школьники. Все бы ничего, но наш факультет – смыслообразующий. Мы не можем себе позволить получать на выходе слабый результат или, другими словами говоря, инфантильную журналистику. Поэтому мне кажется, что надо вернуться к прежней практике зачисления на факультет абитуриентов с производственным стажем, сохранив некоторые квоты для школьников. Такая практика существует во многих зарубежных университетах. Я знаю, что в Швеции, например, такая система существует уже много лет.

А в чем наши поколения похожи?

– А в том, что они, как и мы, приходят на факультет романтиками и искренне хотят сделать мир лучше. Они, как и мы, очень требовательны к преподавателям и хотят получить все профессиональные навыки здесь и сейчас.

По тексту Юрия Лепского